

1

ВЫПУСК

МОСКОВСКОГО
ЦЕНТРА
КАРНЕГИ

Брифинг

ТОМ 7

январь 2005 г.

Откат, или Как Владимир Путин начинает второе президентство

Лилия Шевцова

На протяжении 2004 г. произошло немало запомнившихся событий: президентские выборы, принятие решения о монетизации социальных льгот, банковский кризис, трагедия в Беслане, централизация власти, неудачное вмешательство России в выборы на Украине и в Абхазии, разгром ЮКОСа, трения между Россией и Западом. Эти события, внешне не связанные друг с другом, тем не менее являются *системными индикаторами*, демонстрирующими не только вектор развития России, но и пределы функциональности ее системы. Прошедший год подтвердил, что невозможно бесконечно долго упорядочивать общество на основе противоположных принципов — либерализма и традиционализма, державности и прозападной ориентации, патернализма и социальной нечувствительности, и рано или поздно приходится делать выбор в пользу однозначности.

Власть — основная цель власти

Получив легитимацию на президентских выборах 2004 г. и освободившись от обязательств перед прежней правящей корпорацией, очистив сцену от потенциальных противников, Владимир Путин расширил свое поле маневра и, казалось бы, мог двигаться в разных направлениях. Тем не менее он отказался даже от тех половинчатых модернизационных шагов (дерегулирования экономики, углубления административной реформы, борьбы с коррупцией), которые предпринимал в ходе своего первого правления. Есть три основные причины отхода Путина от реформаторского лидерства в пользу политики статус-кво: логика бюрократически-авторитарного режима, которая заставляет его работать на себя; начавшийся передел собственности; стремление обеспечить преемственность власти. Эти факторы заставляют правящую команду продолжать концентрацию властных ресурсов и ликвидировать остатки политического плюрализма, которые подрывают определенность, столь необходимую для персонализированного правления.

Внешне может показаться, что президентская «вертикаль» гарантирует не только выживание политического класса, но и воспроизводство власти во главе с Путиным либо его наследником. Тем более что общество пока не противится экспансии монопольно-корпоративного начала. И все же это впечатление вскоре может оказаться обманчивым, ибо на поверхность постепенно выйдут структурные конфликты, которые грозят подорвать равновесие возникшей в России системы. Так, очевиден конфликт между стремлением правящей команды сохранить сложившееся положение и одновременно перераспределить в свою пользу экономические ресурсы, что неизбежно вызовет столкновение групповых интересов. Сверхцентрализация власти, которая призвана усилить управляемость общества, подрывает ее легитимацию: попытка манипулировать выборами их дискредитирует, а другой легитимации (партийной, идеологической, наследственной, силовой) у власти в России нет. Ликвидация независимых политических субъектов ведет к возложению всей ответственности за развитие на лидера. Но лидер пытается избежать этой ответственности, и в результате сама власть порождает безответственность. Кстати, ельцинское правление было более жизнеспособным, ибо допускало многообразие политических акторов, и их борьба давала возможность лидеру играть роль арбитра и выживать даже при минимальной поддержке общества.

Монопольно-корпоративная система может функционировать при наличии мобилизационной идеологии, готовности государства к репрессиям, согласия общества на насилие, изолированности страны от окружающего мира. При отсутствии хотя бы одной из этих предпосылок такая система начинает давать сбои. Сам факт, что представители Кремля начинают обращаться к поискам врага и сталинистской риторике, а президент Путин не дезавуирует эти попытки, свидетельствует о появлении среди правящей команды неуверенности в перспективах своего правления. Мобилизационные син-

дромы без готовности к тотальному насилию всегда подтверждают слабость власти.

Тем временем грузинская и украинская революции стали первым массовым протестом постсоветского общества против бюрократически-авторитарного режима и кланового капитализма. Этот протест показал уязвимость «имитационной демократии». В ней самой заложен источник ее неминуемого обвала — неразрешимое противоречие между монополией на власть и стремлением ее воспроизвести за счет выборов. На Украине попытка разрешить это противоречие за счет административного ресурса вызвала антирежимную революцию, которая имеет шансы привести к революции антисистемной, т. е. смене не только лидера, но и правил игры.

В России сейчас вряд ли стоит ожидать аналогичного развития событий. Ряд обстоятельств (высокая цена на нефть, стремление политического класса избежать перемен, державническая психология, отсутствие альтернатив лидеру, пассивность «групп прорыва» — в первую очередь молодежи) пока препятствует возникновению здесь революционной ситуации. Влияние украинских событий скорее всего приведет к попыткам власти в Москве (и других постсоветских столицах) окончательно зачистить политическую сцену. Между тем советский опыт свидетельствует, что нерасчлененность власти — гарантия ее недолговечности. И попытки тотального контроля за политическим процессом лишь ускоряют созревание ситуации, в которой украинский и грузинский опыт будет востребован.

Аппаратный капитализм

Реформы в российской экономике остановлены, и власть, которая зациклена на обеспечении своей монополии, уже не будет рисковать и предпринимать шаги, которые могут нарушить пакт аппарата и крупного бизнеса. Все, что угрожает этому пакту, — конкуренция, открытые суды и транспарентность процесса принятия решений — будет ликвидировано. Снижение экономического роста, усилившийся отток капитала, ограничение инвестиций, сокращение добычи нефти при сохранении высоких цен на нее свидетельствуют, что Россия входит в период стагнации. Этот факт подтверждает, что власть-моносубъект не способна не только к постиндустриальным реформам, но и к поддержанию экономической стабильности. Экономическая модель, возникшая в России, напоминает *retrostate*, классическими примерами которого являются Нигерия и Венесуэла. Его характеризуют сырьевая ориентация; смычка аппарата и бизнеса; появление класса рантье, который существует за счет дивидендов от продажи сырья; системная коррупция; господство крупных монополий под контролем бюрократии; зависимость экономики от внешних шоков; усиление государственного вмешательства в экономическую жизнь; разрыв между богатыми и бедными. Государство такого типа заинтересо-

вано не в модернизации, а в воспроизводстве сырьевой экономики.

Российские аппаратчики-олигархи в отличие от ельцинских олигархов стремятся не владеть, а контролировать финансовые потоки и распределение, избегая рисков, связанных с личной собственностью. И в этом можно увидеть творческое использование опыта Бориса Березовского, который изобрел способ получения доходов, не отягощая себя владением. При таком подходе в России не может быть гарантий незыблемости частной собственности, что подтверждает судьба ЮКОСа. Важно, что монополия на власть дополняется государственным монополизмом в экономике. В настоящее время речь идет о формировании многопрофильного сырьевого гиганта на основе «Газпрома». Но логика государственного дриджизма неизбежно захватит и другие сферы экономики. Мы видим замкнутый круг: в ходе непродуманной приватизации государственный монополизм уступил место монополизму олигархическому, а последний вновь заменяется монополией государства, играющего роль «крыши» для аппарата, который рассматривает госсобственность как источник обогащения. Причем в России впервые в ее истории носителями политической и экономической монополии являются представители репрессивных органов, и сам этот симбиоз может сделать дальнейшее развитие страны весьма драматичным.

Еще одно новшество: чем больше российская экономика превращается в сырьевой придаток развитых государств, тем активнее российские элиты компенсируют свой комплекс неполноценности за счет усиления державнических амбиций. *Ядерная держава с сырьевой ориентацией* — это сочетание еще ожидает осмысления.

Латинская Америка показывает пределы бюрократически-кланового капитализма. Такой капитализм, если не поддерживать его при помощи силы, обречен двигаться к кризису. Вопрос лишь в том, как выходить из этого кризиса — за счет популизма и нового передела собственности либо путем создания институциональной экономики, а следовательно, отказа от власти-моносубъекта. Пока трудно сказать, насколько возникающее в России слияние власти и собственности с репрессивным потенциалом готово сопротивляться трансформации.

Государство освобождается от социальных функций

Российское государство отличается от своих латиноамериканских аналогов не только державничеством, но и тем, что отказывается от социальных обязательств по отношению к населению. Вот формула этого государства: *патернализм по отношению к бюрократии и социальный дарвинизм по отношению к обществу*. Монетизация социальных льгот и способ ее осуществляется — пример того, как власть освобождается от ответственности в отношении самой обездоленной части населения. У государства нет разработанной социальной стра-

январь 2005 г.

тегии, и власть не создает возможности для того, чтобы общественные организации и бизнес начали решать социальные задачи. Структура бюджета на 2005 г.¹ свидетельствует, что деградация социальной инфраструктуры в России будет продолжаться. При этом некоторые процессы, в частности ухудшение здоровья нации, сокращение населения, депопуляция огромных территорий Сибири и Дальнего Востока, падение качества образования, могут стать необратимыми.

В этой ситуации существует возможность для двух потоков протестной активности — либерального и популистского. На протяжении 2004 г. в России произошло усиление протестных настроений — в октябре число забастовок (5907) в 80 раз превысило аналогичный показатель 2003 г. По данным Аналитического центра Юрия Левады, 43% опрошенных готовы участвовать в забастовках, а 30% готовы голосовать за либерально-демократическую оппозицию². В то же время для оформления протестного движения на демократической основе необходимо четыре составляющих: недовольство снизу, существование влиятельной либеральной оппозиции, готовность части правящего класса к демократической трансформации и давление в этом направлении со стороны Запада. Пока такого набора факторов влияния в России нет. В этих условиях недовольство может принять стихийный характер и быть использовано национал-популистскими силами для ужесточения авторитаризма. И даже если экономическое развитие замедлится, у власти есть средства, которые могут смягчить социально-политический протест: организация кампании по поиску врагов; постоянное давление на компартию; дискредитация либерал-демократов; формирование партий-однодневок для воздействия на левый и правый электорат; создание национал-популистских партий типа «Родины»; задабривание подачками групп населения, способных раскачивать ситуацию (шахтеров); формирование прокремлевских молодежных движений (вроде «Идущих вместе»); использование средств массовой информации и прежде всего телевидения для оболванивания населения и отвлечения его от острых проблем.

Внешняя политика: прагматизм не работает³

Президент Путин пошел дальше всех российских лидеров в стремлении привести внешнеполитические амбиции элит в соответствие с ограниченными ресурса-

ми государства. Именно благодаря его сдержанности Россия не вступила в конфликт с Западом по поводу выхода США из Договора по ПРО, расширения НАТО и Европейского союза, присутствия американских военных в Средней Азии, поворота Грузии к Западу и т. д. Однако события 2004 г. показывают: внешняя политика, основанная на прагматизме лидера, имеет пределы, что подтвердило не только усиление взаимной подозрительности между Россией и Западом, но и ощущение стратегической неопределенности российской внешней политики в целом. Даже беглый взгляд на эту политику позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, привлечение мобилизационных лозунгов в целях консолидации общества неизбежно подрывает доверие к Москве не только Запада, но и других государств, в первую очередь соседей России. Во-вторых, прозападный курс в условиях расхождения ценностных систем России и западной цивилизации не может быть устойчивым даже при совпадении их стратегических интересов. В-третьих, Realpolitik, которой пытается следовать Кремль, может быть эффективной, если она обеспечивается экономической мощью и военной силой. В противном случае Realpolitik порождает впечатление неадекватности власти и страны в целом. В-четвертых, Запад до сих пор не препятствовал России в сохранении контроля за постсоветским пространством. Но неспособность Москвы стать гарантом стабильности в этом пространстве (в частности, провал ее попыток разрешить конфликты в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии, ее вмешательство в политический процесс на Украине) может заставить Запад отказаться от молчаливого предоставления России карт-бланш на доминирование в этой части мира. В-пятых, интеграционные инициативы Москвы в рамках СНГ как альтернатива его сближению с Западом вряд ли будут успешными в силу недостаточной экономической привлекательности страны-объединителя. России придется нести немалые расходы и по обеспечению интеграции, и по сохранению своих сфер влияния, как это происходит в ее отношениях с Белоруссией. Пока Россия развивается как *retrostate*, ее интеграционные инициативы не только не имеют трансформационного влияния, но и будут вести к стагнации государств, входящих в российские интеграционные проекты. В-шестых, попытка Москвы оформить доктрину «многовекторности», т. е. опоры на текущие интересы, выглядит как прикрытие отсутствия стратегического вектора движения.

¹ Расходы на оборону и безопасность составляют 30,4% бюджета. Расходы на оборону в 2005 г. по сравнению с 2004 г. увеличены на 28%, на обеспечение внутреннего порядка — на 26%, а расходы на социальные нужды снижены на 1,5%, на образование — на 8,6%, на окружающую среду — на 15,2%.

² 40% респондентов заявили, что для них 2004 г. был труднее, чем предыдущий (в 2003 г. — 24%).

³ Вся совокупность проблем внешней политики России на современном этапе проанализирована в: *Тренин Д.* Российская внешняя политика после Беслана. — М., 2004. — (Брифинг Моск. Центра Карнеги; Вып. 11).

Противоречия между Россией и Западом будут накапливаться пропорционально стремлению Москвы использовать державничество для государственной идентификации внутри страны либо на постсоветском пространстве. Это, правда, не означает возврата обеих сторон к «холодной войне» — в таком развитии не заинтересованы ни Запад, ни Россия. Сам Путин не готов к конфронтации с Западом, что подтверждает и его поведение после украинской «оранжевой революции».

При этом нельзя не видеть, что внешняя политика России — заложница ее системных проблем. Усиление авторитаризма, передел собственности, попытки уничтожить политические альтернативы, стремление сохранить присутствие на территории бывшего СССР — все это порождает внешнеполитические зигзаги Москвы. Имитация демократии и рынка будет сопровождаться и имитацией партнерства России с Западом. Но такая имитация может оказаться самой неэффективной. Это продемонстрировали отношения Москвы и ЕС — в них произошел взаимный отказ от ориентации на интеграцию России в Европу, который не может компенсировать теплота двусторонних отношений между Москвой и рядом западноевропейских столиц, в первую очередь Берлином и Римом.

Сам факт сохранения традиционалистской системы, которая стремится выглядеть современно, будет толкать Россию в зону неопределенности, где ресурс прагматизма иссякает и расширяется угроза непредсказуемости.

Лилия Шевцова является сопредседателем программы «Российская внутренняя политика и политические институты» (другие сопредседатели — Андрей Рябов и Майкл Макфол). В центре внимания этой программы находятся анализ внутривластной ситуации в России, эволюция политических партий и институтов власти, тенденции изменения массового политического сознания, а также проблемы федеративного устройства и региональной политики российского государства.

Тем более что вскоре России придется убедиться: ее сырьевой потенциал — больше проявление слабости, чем фактор силы. Западу же предстоит решить, является его партнерство с Россией стимулом для ее трансформации либо международной легитимацией ее скатывания к традиционализму.

Что нам ожидать от 2005 г.?

Тенденции, которые были оформлены в 2004 г., скорее всего получают продолжение. Речь идет о концентрации в России персонифицированной власти, усилении государственного дирижизма в экономике, ограничении социальных программ государства, шараханьях во внешней политике под эгидой «многовекторности».

Президент Путин стал заложником системы, которую он помогал укреплять и которая теперь ограничивает свободу его действий. Он уже не может выпрыгнуть из нынешнего русла под угрозой потерять лицо либо разрушить свою базу опоры. Логика отката заставляет Путина нередко подрывать то, что он пытался воздвигать во время своего первого срока. Так что 2005-й станет годом укрепления бюрократически-авторитарной, клановой системы, стремящейся к самовоспроизводству и при этом теряющей способность к поддержанию равновесия мирными средствами. Видимо, России придется пройти этот путь до конца, пока она не убедится в его тупиковости. Если, конечно, не возникнут силы и лидеры, которые смогут выскочить из этой колеи раньше.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва
Тверская ул., 16/2
Тел.: (095) 935-8904; Факс: (095) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru <http://www.carnegie.ru>

CARNEGIE ENDOWMENT
for International Peace

1779 Massachusetts Avenue, NW
Washington, DC 20036, USA
Tel.: (202) 483-7600; Fax: (202) 483-1840

E-mail: carnegie@ceip.org <http://www.ceip.org>